240 рядовых). Погиб командир 1-го легкого пехотного батальона Хартлинга майор Гедони. Командир 1-й бригады 19-й дивизии генерал-майор Ю. Зибейн получил смертельное ранение и умер два дня спустя. О своих попавших здесь в плен солдатах баварские источники умалчивают, но эту цифру называет в своей реляции П. Х. Витгенштейн – 158 человек. Месяц спустя, во втором донесении императору он приводит другие, (уточненные и, скорее всего, преувеличенные) данные о потерях противника в этом бою – более 500 убитых и раненых, 253 пленных.

Посвященная бою у с. Белое мраморная доска находится на 10-й стене мемориала храма Христа Спасителя в Москве.

Полоцк, 6–8 октября. Второе сражение за г. Полоцк, поветовый центр Витебской губернии (ныне райцентр Витебской области) состоялось 6–8 (18–20) октября 1812 года. Удерживавшие город и окрестности объединенные силы 2-го и 6-го корпусов «Великой армии» (всего 76 батальонов, 32 эскадрона, 156 орудия, ок. 23 000 человек) под командованием маршала Л. Гувьон Сен-Сира были атакованы русскими 1-м отдельным пехотным и Финляндским корпусами (всего 57 батальонов, 14 дружин ополчения, 31 эскадрон, 20 сотен иррегулярной кавалерии, 170 орудий, ок. 49 000 человек) под общим командованием генерал-лейтенанта П. Х. Витгенштейна.

К началу октября 1812 года главные силы русского корпуса находились севернее занятого противником г. Полоцка, за р. Дрисса. За два месяца, прошедшие после 1-го Полоцкого сражения, П. Х. Витгенштейн получил значительные подкрепления (регулярные части и Санкт-Петербургское ополчение). Вместе с подходящим по правому берегу Двины 9-тысячным Финляндским корпусом Ф. Ф. Штейнгеля русский главнокомандующий имел под ружьем 49 000 человек. Значительно пополнилась и артиллерия корпуса.

В соответствии с разработанным в Санкт-Петербурге планом окружения отступающей «Великой армии» на Березине, войска П. Х. Витгенштейна должны были взять Полоцк и теснить противника в южном направлении. Реализация этого замысла началась 4 октября, когда выступивший из г. Невеля сильный отряд генерал-майора И. И. Алексеева атаковал стояв-

ший у д. Козяны французский авангард генерала Н. Мезона и отбросил его к Полоцку. На следующий день начали движение для сближения с противником и главные силы корпуса. Колонны генерал-лейтенанта Г.М. Берга и генерал-майора М.Д. Балка (22 000 человек; с ними находился и главнокомандующий) обходили город с востока. Выбив передовые отряды противника из с. Юровичи, они перешли на левый берег р. Полоты. Колонна генерал-лейтенанта Л.М. Яшвиля (11 500 чел.) приближалась к Полоцку по Себежской дороге. Вечером 5 октября авангардный отряд полковника Е.И. Властова взял с боем д. Ропна и находящийся здесь выход из лесного дефиле. Одновременно с этим корпус Ф.Ф. Штейнгеля вытеснил из г. Дисна баварскую пехотную бригаду генерала А. Штреля и начал сосредоточение на левом берегу Двины для удара в тыл противнику.

В конце сентября общая численность находившихся у Полоцка 2-го и 6-го корпусов «Великой армии» сократилась до 18 000 человек. Кроме боевых, войска несли также многочисленные потери при фуражировках, от болезней и дезертирства. Но 1 октября Л. Гувьон Сен-Сир получил подкрепление в 5 тысяч человек, что несколько улучшило его положение.

Малочисленная баварская бригада генерала А. Штреля была выдвинута на запад, в г. Дисна для охраны коммуникаций. Отдельный отряд под командованием генерала Н. Мезона находился в 12 верстах восточнее города, у д. Козяны, имея своей задачей прикрытие фуражировок. Основные силы обеих корпусов маршал сосредоточил непосредственно у Полоцка, сильно его укрепив. Т. Леглер вспоминал, как в дни затишья ими были сделаны «...многие траншеи, большие валы, сильно укрепленные по всей линии, окруженные палисадами, уничтожение всех садовых кустов, деревьев и домов на правом берегу между нашими линиями». Два редута на 24 орудия были возведены на правом берегу р. Полоты, еще три поспешно устраивались на ее левом берегу, у озера Волово. Возле д. Струйня, восточнее Полоцка, французские инженеры протянули через Двину еще один плашкоутный мост, прикрыв его земляным укреплением. Все мосты на р. Полоте, за исключением двух, у самого города, были разобраны.

«16 октября (*новый стиль – В.Л.*) вражеские разведчики, – вспоминал участник обоих битв у Двины Ж. Марбо, – появи-

лись на подступах к Полоцку. Вид города должен был показаться им совершенно иным, сильно изменившимся, как из-за обширного нового укрепленного лагеря, так и за счет многочисленных укреплений, покрывавших равнину. Самым большим и самым сильным из этих укреплений был редут, названный *баварским*. Все несчастные солдаты генерала Вреде, избежавшие самоубийственной немецкой сентиментальности и слезливой ностальгии, попросились защищать этот редут, что они и сделали, проявив большое мужество. ...Вся пехота была объединена в городе и укрепленном лагере, ...больных и неспособных сражаться солдат собрали в старом Полоцке, а также в Екимании – укрепленных пунктах, расположенных на левом берегу».

Перед началом сражения пехотные дивизии К. Леграна, Н. Мезона, легкая кавалерия Б. Кастекса и часть кирасир занимали восточный сектор позиции. Еще восточнее, у д. Струйня располагалась дивизия К. Винценти. Севернее и западнее города, по обеим сторонам Себежского и Невельского трактов, стояли полки дивизии П. Мерля. В двух находившихся тут укреплениях засели по бригаде баварской пехоты. Фланги своей обширной дугообразной позиции маршал прикрыл сильными артиллерийскими батареями, расположив их по левому берегу Двины. Большая половина кирасирской дивизии Ж. Думерка была выслана 4 октября в направлении м. Бешенковичи с задачей воспрепятствовать возможной переправе на этом участке русских войск. Вслед за ними выступили и конноегеря Ж. Корбино – в помощь пехотной бригаде А. Штреля. Накануне сражения предусмотрительный маршал распорядился отправить почти все свои обозы и находившиеся в Полоцке склады и госпитали за Двину.

«18-го октября (*новый стиль – В.Л.*) на рассвете дня, – вспоминал Т. Леглер – с крайних пунктов сделаны были некоторые выстрелы, а как стало светлее, ружейные выстрелы усилились». Колонна генерал-лейтенанта Г. М. Берга, выбив из д. Громы передовой французский отряд, начала выходить из лесного дефиле в поле и развертываться в боевой порядок по направлениям к Западной Двине и Полоте. Правый фланг, от р. Полоты до озера Волово заняли 26-й егерский и Севский пехотный полки, подкрепленные двумя эскадронами Гродненских гусар

и 12 конными орудиями. В центр, напротив озера и южнее, выдвинулись 25-й егерский, Могилевский и Пермский пехотные, казачий Родионова 2-го полки, а также еще два эскадрона Гродненцев с четырьмя пушками. Сюда же подошла 5-я батарейная артиллерийская рота, а спешившая за ней 27-я легкая артиллерийская рота и следовавшие за ней другие подразделения направлялись на левый фланг. По мере подхода других эшелонов, боевая линия все больше усиливалась. С рассветом начала движение по Себежскому тракту и колонна генерал-лейтенанта Л.М. Яшвиля, поддержанная наступавшим по Невельской дороге полуторатысячным отрядом подполковника Н.А. Столыпина.

Офицер ополчения Р.М. Зотов, автор интересных записок о своем участии в кампании 1812 года, наблюдал из строя своей дружины открывшуюся перед ним панораму предстоявшей битвы. «...День был ясный, светлый. Густые облака порохового дыма величественно носились над сражающимися... Вправо от нас был какой-то загородный костел, превращенный также в сильнейшую крепость, вооруженную во все стороны многочисленной артиллерией. Влево довольно большое озеро, а за ним необозримое поле. Перед ним мелкая речка Полота, текущая в глубоком и крутом овраге...»

Активная фаза боя началась около 11 часов дня, когда русские подразделения, направлявшиеся к Западной Двине (с ними находился и сам главнокомандующий), перерезали проходивший вдоль ее берега тракт на Витебск и несколько отдалились от войск центра. Брошенные в атаку южнее озера 8-й уланский и 20-й конноегерский полки генерала Ж. Корбино смели русские стрелковые цепи, прикрытие 27-й легкой артиллерийской батареи и, ворвавшись на нее, захватили 10 орудий. Эскадрон конноегерей шефа Ж. Кюрели прорвал каре русской пехоты, внутри которого находился генерал-лейтенант П.Х. Витгенштейн со своим штабом. Капитан-лейтенант Б.В. Штейнгель, составитель первого описания боевого пути Санкт-Петербургского ополчения, свидетельствовал, что «... Несколько эскадронов неприятельской конницы напало на его конвой и едва... не отняли у Россов... их вождя, а с ним и саму победу». Разумеется, «золотое перо» Ж. Марбо никак не могло обойти этот выигрышный боевой эпизод, расцветив

его совершенно фантастическими подробностями. «В ярости генерал Витгенштейн, – пишет он, – ...захотел сам отправиться туда на разведку и приблизился к нашей позиции с большой смелостью. Однако это проявление мужества чуть не стоило ему жизни, потому что майор Кюрели, один из самых лучших и смелых офицеров французской армии, заметил русского генерала, бросился на него во главе отряда, состоявшего из двадцати конных егерей, зарубил саблями часть эскорта Витгенштейна и, добравшись до самого Витгенштейна, приставил ему к горлу острие своей сабли и принудил отдать шпагу!» Однако тут, якобы, под героем была убита лошадь, и обезоруженный Витгенштейн «...галопом умчался, приказав своему эскорту следовать за ним». Мало того, мемуарист приплел к этому делу и самого Наполеона, который, будто бы, увидев Кюрели на Березине, сделал тому форменный выговор: «Сего несчастья, может быть, и не было бы, если бы, пользуясь вашим правом, вы убили бы Витгенштейна на поле сражения за Полоцк в тот момент, когда русские попытались вырвать этого генерала у вас из рук».

В реальности же развить свой успех наполеоновская кавалерия не смогла. Вначале она была остановлена сосредоточенным огнем Могилевского пехотного полка и 4-й дружины ополчения, а потом контратакована четырьмя эскадронами Гродненских гусар, лейб-драгунским эскадроном полковника Альбрехта и лейб-гусарским эскадроном ротмистра Скобелицына. Французы были с большим уроном отброшены, захваченные орудия отбиты обратно.

Ополченцы, находившиеся в центре русской позиции, заметив, что противник подался назад, бросились без команды вперед и захватили передовые укрепления врага. «Шанцы достались нам, – пишет Р.М. Зотов, – очень дешево. ...Видны были только одни остатки ужасного действия нашей артиллерии. В самом деле, это была престранная мысль со стороны неприятеля: устроить брустверы из кирпичей. Временной защитой от напора пехоты могли они еще служить, но при первом усиленном действии артиллерии эти же самые кирпичи, раздробляемые 12-фунтовыми ядрами, разлетались вдребезги и убивали собственных своих солдат».

Орудия с обеих сторон гремели безостановочно. Одна из французских батарей, установленная при Спасском монастыре, наносила русским войскам правого фланга жестокие потери. Ответным артиллерийским огнем стены храмовых построек были снесены до половины.

В полдень в атаку пошла русская регулярная пехота, отбросившая противника огнем и штыками за озеро Воловое. Прискакавший сюда исправлять положение Л. Гувьон Сен-Сир почти сразу же был ранен пулей в ногу. Не потерявший своего обычного хладнокровия маршал приказал на месте извлечь пулю и наложить перевязку, отдавая в ходе болезненной процедуры все необходимые распоряжения войскам. Штурмовые колонны дивизии К. Леграна сумели вернуть потерянные редуты обратно, но вскоре вновь были выбиты оттуда ополченцами при поддержке двух сводногренадерских батальонов.

По воспоминаниям участников сражения, ополченцы не уступали в доблести старым солдатам. Даже раненые, истекая кровью, они не оставляли строй. Их стрелки, сбросив в горячке боя полушубки и кафтаны, выбегали из цепи, чтобы схватится с противником врукопашную. «То было одним из мест, – писал Л. Гувьон Сен-Сир, – на которых длиннобородые люди (как назвали их наши солдаты), т.е. милиция Санкт-Петербурга, дрались с наибольшим ожесточением, и здесь именно русские выказали наибольшее мужество». В рядах ополченцев сражался и партизанский отряд из крестьян д. Жарцы Полоцкого повета под командованием донского казака Л. Грушина.

Около 14 часов 7-й французский кирасирский полк атаковал русские позиции севернее озера Волово. Ворвавшись в боевые порядки ополченцев, кирасиры нанесли им значительные потери. Но, продвинувшись вперед, они попали слева под залповый батальный огонь русской пехоты, а справа – под картечный огонь двух русских батарей. Мгновенно на этом месте образовался завал из лошадиных и человеческих тел. Уцелевшие бежали, преследуемые эскадроном Ямбургских драгун. Этот критический момент отражен и в полковой истории Гродненских гусар. Там говорится, что «...неприятельская кавалерия опять захватила нашу батарею и окружила дружину ополчен-

цев. Но полковник Ридигер с двумя эскадронами Гродненцев бросается на выручку ополченцев, опрокидывает неприятеля на штыки нашей пехоты и отбивает батарею».

П. Х. Витгенштейн, послав повторное приказание Л. М. Яшвилю поддержать его действия, двинул войска в общую атаку. Однако, неся чувствительные потери от артиллерийского и ружейного огня противника, они были остановлены и даже вынуждены очистить захваченные ранее укрепления.

После 16 часов главнокомандующий, не дождавшись эффективной помощи со стороны Себежского тракта, принял решение прекратить сражение и отвести войска из-под артиллерийского обстрела. Русские колонны, прикрывшись стрелковыми цепями, начали медленно отходить к лесу. Противник их не преследовал. К сумеркам полки Г. М. Берга отошли севернее, чтобы избежать внезапного удара в тыл со стороны удерживаемого баварской пехотой предмостного укрепления у д. Струйня. Артиллерийская дуэль в восточном секторе поля битвы прекратилась лишь с наступлением полной темноты.

На правом берегу р. Полоты сражение проходило несколько иначе. Генерал-лейтенант Л. М. Яшвиль, хотя и имел приказ главнокомандующего на одновременную с ним атаку всеми силами, все же предпочел выжидать подхода обещанных подкреплений из корпуса Ф. Ф. Штейнгеля. Однако, получив около 15 часов повторный приказ Х. П. Витгенштейна о решительном наступлении, он вынужден был приступить к его исполнению. Последующие события изложены в мемуарах Т. Леглера. «...С первым русским пушечным выстрелом мы услышали уши раздирающие крики «ура». При этом оставленный нами лагерь запылал в огне. ...Неприятельские ядра попадали, отскакивая мимо левого крыла нашего войска в гренадерский батальон второго полка, немедленно потерявшего несколько человек. На это мы отвечали отчаянной пальбой и заставили быстро приближавшуюся неприятельскую пехоту остановиться на расстоянии 7–8 000 шагов от нас. Так мы около получаса противостояли друг другу, пока неприятельский огонь не затих». После отражения двух мощных атак русской кавалерии «...мы повернулись и, поддержанные нашей батареей, отступили на 400–500 шагов, где снова выстроились. Русская конная батарея пыталась воспользоваться каждой минутой, чтобы ее

метко направленный опустошительный огонь достигал нас. Кавалерия все продолжала нас беспокоить. ...Перейдя через Полоту, речку, в которой вода достигала до колен, и достигнув возвышения, занятого третьим полком, наши люди снова выстроились в порядок позади этого возвышения. ...Кроаты, не устоявшие при одной схватке, потеряли несколько сот человек. Они были оттиснуты до Полоты, где эта речка впадает в Двину. Это смелое дело стоило неприятелю немало; ему пришлось в продолжение 10 минут быть под перекрестным картечным огнем, так как батареи с левого берега Двины могла беспрепятственно стрелять».

Рядом с автором этих строк в тот день сражался и капитан 2-го полка швейцарской пехоты Л. Бего, также оставивший интересные воспоминания. «...Русские подвигались со всех сторон сразу, и бой начался. Огонь русской пехоты и артиллерии приносил с собой смерть в наши ряды. Наш полковник... приказал бить к атаке. Я находился во главе одного из наших батальонов; мы идем прямо на неприятеля... После отчаянной борьбы, которую 1-й швейцарский полк выдержал вместе с нами на правом крыле, мы получили приказ – отступить и вернуться в Полоцк». Случай с пленением 3-го кроатского полка капитан истолковал весьма оригинально. «В продолжение всего времени, – пишет он, – пока мы пребывали на аванпостах около Полоцка, русские употребляли всевозможные хитрости, чтобы захватить наши роты или батальоны. Так, например, в день битвы, 18-го (*новый стиль – В.Л.*), они двинули вперед прекрасный кавалерийский полк, который, подражая звуку французских труб, проник без единого выстрела в середину последних батальонов нашей бригады, овладев кроатскими ротами, которые еще не постигли этого нового способа ведения войны». (В действительности же этот полк, отрезанный от своих стремительной атакой русской кавалерии, заставили положить оружие подоспевшие из 2-й линии войска генерал-лейтенанта И.Т. Сазонова).

К исходу дня русские оттеснили противника к самым предместьям Полоцка, но проникнуть в город не смогли. Под прикрытием наступавшей темноты Л.М. Яшвиль отвел свои войска

из зоны действия артиллерии противника и установил связь с отрядом подполковника Н. А. Столыпина, занявшего фольварк Присменица.

Второй день осеннего сражения за Полоцк весьма напоминал второй день летней Полоцкой битвы – противники опять выжидали, не предпринимая активных действий. Русский главнокомандующий дожидался подхода Финляндского корпуса, наполеоновский маршал – доклада от своих генералов, посланных его задержать и отбросить.

В 10 часов утра 7 октября к Л. Гувьону Сен-Сиру прибыл адъютант бригадного генерала Ж. Корбино с сообщением о появлении на левом берегу Двины, у с. Рудня (12 км. западнее города) крупных сил противника и просьбой о скорейшей помощи. Немедленно туда была направлена сводная бригада генерала Ф. Амея (три полка пехоты и полк кирасир) с задачей удержать противника до наступления темноты. «...В мгновение ока, – пишет участник схватки на левобережье Ж. Марбо, – все мы оказались в седлах и отбросили врага. Неприятель, тем не менее, вероятно, взял бы над нами верх, потому что он получал все время мощные подкрепления, а у нас не было пехоты. В этот момент маршал Сен-Сир направил к нам на помощь три полка из состава дивизий, охранявших Полоцк. Штейнгель, которому оставалось всего лишь сделать последнее усилие, чтобы достичь мостов, разом остановился».

А французский главнокомандующий колебался: стоит ли, выполняя категорический приказ Наполеона, любой ценой удерживать город, или же, во избежание весьма вероятного разгрома, своевременно отвести свои войска за Двину? Конец этим раздумьям положило прибытие после полудня второго гонца с неутешительными сведениями от Ж. Корбино и появившиеся вскоре на проселочной дороге со стороны г. Дисны повозки с ранеными и тележки маркитанок. И маршал отдал приказ начать в 17 часов, соблюдая все меры предосторожности и скрытности, общий отход на южный берег Двины.

Окутавший в этот день окрестности Полоцка густой туман ускорил приближение темноты и оказал большую услугу оборонявшимся. В наступающих сумерках наполеоновские артиллеристы начали свозить орудия с батарей к мостам, за ними готовились выступить кавалерия и пехота. Возможно, отход

прошел бы без осложнений, если бы, как выразился Л. Гувьон Сен-Сир, «по непостижимой глупости» один из бригадных генералов не распорядился поджечь оставляемые войсками бараки и шалаши. Взметнувшиеся вдоль оборонительной линии противника языки пламени ясно дали понять русскому командованию, что он уходит. Вся стоявшая на позициях русская артиллерия открыла по вражеским отступающим колоннам массированный огонь, а пехота и кавалерия получила приказ их преследовать. Однако оставленные в укреплениях сильные заслоны держались стойко. Лишь у д. Струйна отряд генерал-майора И.И. Алексеева смог быстро захватить предмостное укрепление, оттеснив обороняющую его баварскую бригаду за Двину.

Русские орудия, между тем, перенесли огонь на город и мосты, по которым безостановочным потоком на левобережье переходили дивизии К. Леграна и Н. Мезона, за ними – П. Мерля и К. Вреде. «С наступлением ночи, – пишет Т. Леглер, – началось наше отступление через Двину. Неприятель держал себя сначала спокойно; однако к 11 часам его главнокомандующий получил от некоторых перебежчиков кроатов известие о происходящем в городе. Около половины 12-го часа началась с его стороны страшная канонада и бомбардировка. ...К 2 часам утра весь город был в пламени; окрестные дома были по приказанию подожжены нашими людьми, чтобы лучше можно было наблюдать за движениями неприятеля. Последовало несколько штурмов, но каждый раз неприятель сверх своего ожидания был отбрасываем, как картечным огнем, так и саблями и ружейными прикладами. Третий и четвертый швейцарские полки отлично защищали отступление и даже после того, как вся артиллерия ушла, отбивали 3–4 раза штыками нападения неприятеля в самом городе, в то время как к четырем часам утра... остальные войска достигли левого берега Двины. Арьергард был так тесним, что ему с трудом удалось уничтожить оба моста».

О том же свидетельствует и Ж. Марбо: «французы, и главным образом, дивизия Мезона защищали город пядь за пядью, потому что при свете пожаров можно было видет все вокруг, как днем».

Из русских источников известно, что после полуночи две их штурмовые колонны ворвались в город с запада и с севера. 12-я дружина Санкт-Петербургского ополчения под командованием статского советника И. Ю. Николаева частью сил, под жестоким огнем врага, перешла Полоту вброд, основными – бросилась прямо на загороженный рогатками, насквозь простреливаемый с окрестных высоких холмов, деревянный мост через речку. Стремительная атака увенчалась успехом. (Обильно политый кровью мост называется с тех пор Красным). Противник даже не успел уничтожить переправу, полностью подготовленную его саперами к взрыву. Сводногренадерский батальон и 14-я дружина ополчения, ворвавшись в город со стороны Верхнего замка, захватили здесь одно французское орудие. За ними, сметая последние очаги сопротивления, в Полоцк входили другие русские полки. «Гродненцы, – свидетельствует их полковая история, – по грудам неприятельских трупов ворвались в город. Произошла невообразимая давка. Французы бросились к главному мосту. Здесь гусары захватили... целые толпы пленных». Несколько баварских рот, будучи скованными боем, не успели перейти мосты, до того как они были подожжены, и положили оружие. Бой в городе закончился в 4-м часу ночи. Ускользнув из почти захлопнувшейся западни, Л. Гувьон Сен-Сир двинулся на соединение с корпусом маршала К. Виктора.

Французские потери во 2-м Полоцком сражении оцениваются разными источниками в 6–7 тысяч человек. Примерно треть их составили пленные (в основном баварцы, прикрывавшие отход главных сил). Из донесения П. Х. Витгенштейна известно о взятых здесь в плен 2-х полковниках и еще 43-х офицерах. Оценки русских потерь в разных источниках колеблются от 6,3 до 8 тысяч человек. В списках убитых числится 17 штаб и обер-офицеров, много больше было ранено. Серьезные ранения получили генерал-майоры М. Д. Балк (пулей в голову), А. Ю. Гамен (пулей в живот), камергер, действительный статский советник Д. М. Мордвинов (оторвало ногу ядром). При штурме города был ранен поручик 4-й дружины ополчения М. Н. Загоскин – впоследствии известный русский писатель, награжденный за боевые заслуги орденом Св. Анны 3 степени.

9 октября 1812 года П.Х. Витгенштейн получил из столицы пакет, который, однако, ему позволялось вскрыть только после взятия Полоцка. Это был царский рескрипт о присвоении ему чина генерала от кавалерии. Не были обделены наградами и его подчиненные. Ордена Св. Георгия 3 степени получили генерал-майоры И.М. Бегичев и В.И. Гарпе, полковник Ф.В. Ридигер. Известно, что только «нижним чинам» Гродненского гусарского полка, за проявленную в этом сражении доблесть было пожаловано 77 знаков отличия Военного ордена. Октябрьской битве за Полоцк посвящены 18 и 19 стены мемориала храма Христа Спасителя в Москве.

Чашники, 19 октября. Бой у м. Чашники Лепельского повета Витебской губернии (ныне город, райцентр Витебской области) произошел 19 (31) октября 1812 года. У местечка встретились войска соединенных 2-го и 9-го корпусов «Великой армии» (всего 87 батальонов, 40 эскадронов, 151 орудие, ок. 36 000 человек) под командованием маршала К. Виктора и соединенных 1-го отдельного пехотного и Финляндского корпусов (всего 37 батальонов, 6 дружин ополчения, 27 эскадронов, 15 сотен иррегулярной кавалериии, 122 орудия, ок.23 000 человек) русской армии под командованием генерала от кавалерии П.Х. Витгенштейна.

Оставив в освобожденном Полоцке 9-тысячный гарнизон, П.Х. Витгенштейн двинулся с главными силами вслед за отступающим противником. 16 и 17 октября у г. Лепель к нему присоединился корпус Ф.Ф. Штейнгеля.

Французский и баварский корпуса, между тем, разделились. К. Вреде, получив приказ прикрыть Виленское направление, направился к м. Глубокое Дисненского повета. (Он увел с собой и приданную корпусу 6-ю легкую кавалерийскую бригаду генерала Ж. Корбино, правда, ненадолго). Остатки французских дивизий отходили на юг и 18 октября соединились у д. Копцевичи, что возле м. Чашники, с подошедшим от Смоленска свежим, еще не участвовавшем в боях 9-м пехотным корпусом «Великой армии» под командованием маршала К. Виктора. Как свидетельствовал Л. Гувьон Сен-Сир, эти войска «...были в самом блистательном виде и горели желанием сражаться». Объ-